

Г. Л. Олди
М. и С. Дяченко
А. Валентинов
Д. Трускиновская
А. Дашков

Эхо проклятия

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ

Андрей Георгиевич Дашков

Эхо проклятия

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175082

Эхо проклятия: антология: Клуб семейного досуга; Харьков; 2008

Аннотация

Вы никогда не теряли все за один день? Все, кроме жизни, – но есть подозрение, что это не случайно. Жизнь вам сохранили (или дали в долг, или вернули) только потому, что мертвеца нельзя подвергнуть пытке. И тогда вы узнаете правду: то, что вы называли до сих пор жизнью, было лишь жестоко обманутым ожиданием. Многие ли из нас всерьез готовы провести вечность в аду?

Если все самое дорогое (и не только) отнимает у вас война, катастрофа или стихийное бедствие, вы еще можете сетовать на злой рок, несчастный случай, слепую природу...

Если причиной непоправимых бед была человеческая глупость, жадность или злоба, вам по крайней мере есть кого ненавидеть, против кого обратить свой гнев, на кого выплеснуть свою ярость...

Но что, если вашим палачом становится сила, находящаяся за гранью уязвимости и даже за гранью понимания?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	13
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Андрей Дашков

ЭХО ПРОКЛЯТИЯ

ПРОЛОГ

Вы никогда не теряли все за один день? Все, кроме жизни, – но есть подозрение, что это не случайно. Жизнь вам сохранили (или дали в долг, или *вернули*) только потому, что мертвеца нельзя подвергнуть пытке. И тогда вы узнаете правду: то, что вы называли до сих пор жизнью, было лишь жестоко обманутым ожиданием. Многие ли из нас всерьез готовы провести вечность в аду?

Если все самое дорогое (и не только) отнимает у вас война, катастрофа или стихийное бедствие, вы еще можете сетовать на злой рок, несчастный случай, слепую природу. У вас остается лазейка, чтобы изредка покидать камеру пыток, возведенную вашим же сознанием, и не сойти с ума.

Если причиной непоправимых бед была человеческая глупость, жадность или злоба, вам по крайней мере есть кого ненавидеть, против кого обратить свой гнев, на кого выплеснуть свою ярость. Есть кому мстить, в конце концов. Другие люди – такие же, как вы. Или даже хуже. Наверняка хуже – ведь вы никого не трогали и никому не мешали жить. Если они убили вашу жену и ваших детей, вы либо рано или поздно берете в руки оружие и тоже начинаете убивать, либо... прощаете, и тогда – помощи вам Бог! В любом случае вы можете сделать хоть что-нибудь, лишь бы утолить боль, раздирающую вас на части. В шприце веры, обретенной через страдание, хватает успокоительного лекарства...

Но что, если вашим палачом становится сила, находящаяся за гранью уязвимости и даже за гранью понимания? Вы улавливаете лишь тень ее присутствия – всегда ускользающую тень. Это как жуткий сон: достаточно было бы увидеть *лицо* или узнать *имя*, чтобы кошмар схлынул, – но вы никогда не увидите и не узнаете ни того, ни другого. Вы будто слышите всего лишь эхо проклятия – не произнесенного, потому что не существует языка, способного выразить мерзость и ужас происходящего, как не существует губ, с которых оно стекло, а также дурного глаза, который можно было бы выколоть, или черного сердца, в которое вы хотели бы вбить осиновый кол...

Вы скажете снисходительно, что мое описание злой силы напоминает вам кого-то? О, если бы все было так просто! Я вцепился бы в этот шанс, как утопающий хватается за соломинку. Я знал бы, что предложить самому безжалостному из ростовщиков. Но задолго до меня люди совершили ту же ошибку – слишком очеловечили дьявола. Мы сделали из него мелкого пакостника или в худшем случае маньяка, наделив его неуязвимостью и бессмертием. Как будто только этим он отличается от самых гнусных из нас!

Боюсь, что я уже начал расплачиваться за собственное легкомыслие. Я наивно думал, что в крайнем случае всегда есть запасной выход – самоубийство. Но и это оказалось иллюзией. Ее крушение стало самым жестоким испытанием, потому что она – последняя. Выяснилось, что даже в смерти нельзя найти убежище. Негде спрятаться, некуда ускользнуть, нигде не найти покоя. Нет никакой возможности избежать уготованной участи. Небытие – всего лишь ловушка для простаков; черное зеркало, отражающее только единственный луч истины в момент ее обретения; ширма, скрывающая бессмертного палача.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я был владельцем антикварного магазина, и, вероятно, мне чаще, чем другим, приходилось поневоле смотреть на современность как бы со стороны. Конечно, сквозь мутнеющую линзу прошлого, а это всегда взгляд сверху вниз – с горечью и сожалением. Стоит хотя бы на минуту покинуть замкнутый круг сиюминутных страстишек, и не остается ничего, кроме горечи и сожаления.

Если не наяву, то хотя бы в мыслях я останавливал беличье колесо истории, и тогда все разительно менялось: незаметное приобретало высшую ценность, а фетиши цивилизации становились ничтожными, не говоря уже о смехотворных кумирах. Я держал в руках предметы, которым было по несколько сотен, а иногда и больше тысячи лет. Те, кто их сделал, были стерты с лица земли, превратились в пепел и пыль, исчезли бесследно. Их прах смешался с прахом бесчисленных поколений. Ил на дне реки, текущей в неведомое... Порой я ловил себя на иррациональном чувстве: я хотел, чтобы мой родной город был разрушен. Я представлял себе его развалины под звездами, среди которых блуждало... ну да, оно самое – эхо проклятия.

Помню, однажды я стоял перед дверью своего магазина, глядел на улицу и думал: а хотел бы я умереть в этом городе? Простейший тест. И ответил сам себе: нет, ни за что. Тогда стоит ли здесь жить? Это был хороший вопрос. Он занимал меня добрых десять минут, пока напротив убирали останки человека, выбросившегося из окна. Он сделал это на рассвете, когда над миром проносится зловещий ветерок, горестный вздох природы в минуту восхода солнца, обещание нового дня. Что ж, кто-то не вынес тяжести этого обещания...

Зевак было мало. Кроме меня, еще человек пять – в основном владельцы лавок и кафе. В другое время собралась бы толпа, но до часа пик было еще далеко. Мертвец, распростертый на тротуаре, выглядел ужасно, и мне почему-то пришло в голову, что он просчитался: для него ничего не кончилось. Все продолжалось в каком-то ином слое существования, недоступном обычным грубым чувствам, и вот теперь кто-то всерьез принялся за его бедную, раздешую, нагую душу.

Но вообще этот район считается спокойным и, что называется, приличным. Здесь редко случалось что-то из ряда вон выходящее – и слава Богу. С возрастом начинаешь ценить размеренность и тихое течение будней – без радости, но зато и без потрясений.

* * *

– Шеф, по-моему, на это стоит взглянуть.

Я оторвался от утренней газеты, поднял голову и увидел, как за стеклянной дверью моего кабинета мелькнуло улыбающееся личико Марии. Кабинет – это громко сказано. Просто небольшое уютное помещенье с единственным окном на уровне тротуара, выходящим в переулок. Моя берлога.

Мария и в постели называет меня шефом. Я не возражаю: по-моему, это лучше, чем «папочка» или что-нибудь в этом роде. Я благодарен ей за то, что она разбивает иногда лед моих тоскливых ночей. И чем старше я становлюсь, тем сильнее благодарность. Но при этом я даже не пытаюсь понять Марию. Она красива и неглупа, и у нее наверняка есть молодые поклонники. А она спит со мной. Вряд ли это расчет – работая единственным продавцом в антикварном магазине, карьеру не сделаешь. Деньги тут тоже ни при чем. Может быть, истоком ее интереса ко мне является сострадание – ведь она знает мою историю. Этого я

хотел бы меньше всего. Тогда уж лучше деньги. Продажная любовь по крайней мере имеет цену, но я не берусь измерить сострадание...

Иногда мне кажется, что нынешняя молодежь – это и есть инопланетяне. Они захватили Землю – чуждая раса, чужая цивилизация. Я давно чувствую себя побежденным в бескровной войне. Соппротивление уходящего поколения может быть достойным, но оно всегда безнадежно.

Поэтому я ни в коем случае не взял бы на себя смелость сказать, что Мария принадлежит мне. Нет, если отбросить считанные минуты интима, об обладании не может быть и речи. Эта женщина для меня – ускользающий луч утренней зари. Она из завтрашнего дня, а я – из вчерашнего. Мне остается лишь радоваться напоследок ее мимолетным прикосновениям – немного тепла, немного света – однако я знаю, что вряд ли моя любовь переживет эту долгую ночь.

Улыбка Марии еще не погасла, когда я выглянул в полутемный зал. Сумрак, ковры и гобелены, а также обилие мерцающей позолоты и бронзы придавали ему сходство со сказочной пещерой. Клиент тоже был настолько темен, что я не сразу увидел, где он. Его узкий силуэт затерялся в маленьком искусственном лабиринте, будто он умел сливаться с тенями.

Я окинул взглядом интерьер, который в целом оставался привычным, хотя детали и менялись довольно часто. Лично мне здесь было уютно. Уютнее, чем в моем старом доме, где я бывал крайне редко. Там все напоминало о жене и ребенке. Но продать его я не мог – это было бы все равно что лишить мертвых последнего пристанища.

А тут... Прошлое не кануло в реку забвения; оно будто все еще было неотъемлемой частью настоящего, представляя собой не только эфемерные фрагменты человеческой памяти, но и нечто вполне вещественное. Мой остров, неподвластный разъедающей кислоте времени... Я, конечно, понимал, что и это иллюзия, однако часы относительного покоя стояли слишком дорого, чтобы пренебрегать ими.

Случалось, я ловил себя на том, что чересчур придирчиво и тщательно расставляю товар, стремясь привести в гармонию несовместимое – предметы различных эпох и стилей. Не скажу, что дела шли блестяще, поэтому свободного места в магазине было немного. Целые столетия замерли в тесноте, словно бабочки, которых так легко спугнуть. Креденца эпохи Ренессанса соседствовала с секретером работы Вейсвейлера, а компанию английскому дивану восемнадцатого века составляли три более ранних голландских кресла с интарсиями.

Но вернемся к незнакомцу. Он непременно отразился бы в большом венецианском зеркале, если бы оно уже давно не было «слепым». Возникало впечатление, что он изучает меня на расстоянии, не торопясь показывать свое лицо, – словно решает, стоит ли иметь со мной дело. А так кто угодно принял бы его за статую из черного дерева.

Я ждал. Мне было некуда спешить.

Наконец он вышел из тени. Судя по лицу – араб. Одет во все темное. Он казался изможденным и затравленным, однако, насколько я понял, это был тот случай, когда загнанный в угол зверь становится еще опаснее. Впрочем, мне ни на секунду не пришло в голову, что он может оказаться грабителем или сумасшедшим.

Последнюю ночь он явно провел не в отеле и даже не в ночлежке для бездомных. От него дурно пахло, но при этом он не выглядел нищим, раздобывшим на помойке старый подсвечник или статуэтку с отбитой головой, – ко мне приходили и такие. В нем было что-то нездешнее. Есть неуловимые черты, по которым безошибочно узнаешь странника или изгнанника. Я чувствовал, что он прибыл издалека. И дело не в цвете кожи – неподалеку жили арабы, которые могли послужить образцом оседлости: шестое поколение на одном и том же куске земли.

Возникал вопрос, на что же такое особенное Мария предлагала мне взглянуть. Если она имела в виду самого незнакомца, то ее фраза означала: «Взгляните-ка на это чучело!» Но

вряд ли она позволила бы себе подобное опрометчивое суждение. Мария обладала тонким и безошибочным чутьем. Вероятнее всего, человек в черном успел спрятать то, что принес, до моего появления. Бессмыслица? Дешевая игра? Необычное, подозрительное поведение? Пожалуй. Но ведь и клиент необычный – это было ясно с первого взгляда. Существовал и третий вариант: незнакомцу грозила опасность. Настоящая опасность. И чем дольше он тянул, тем сильнее я убеждался в том, что опасность реальна.

Я не суетился, и человек в черном принял решение. Он вытащил из-под складок бесформенного балахона какой-то сверток. Развернул не очень чистую ткань и осторожно положил на прилавок свое сокровище. Я говорю без иронии – случается, и горсть пепла становится бесценной. В реликварии семнадцатого века я хранил то, что забрал из крематория в конце двадцатого. Кто-то строит Тадж-Махал, а кто-то собирает пепел, чтобы однажды, накануне конца света, развеять его по ветру.

(Ветер хаоса, остуди мой мозг!..)

Внешне я остался невозмутим, как игрок в покер, хотя ставки были неизмеримо выше, чем в карточной игре.

Я увидел предмет, которого не должно быть в этом мире.

Но тем не менее он был.

Спустя много лет он вернулся.

Так же, как и я.

* * *

(...Черный Аббат Гибур был моим Хароном. И он неплохо справился с работой. Мне грех жаловаться. Многим не повезло. Некоторые надолго застревали в Лимбе – а это примерно то же самое, что влачить жалкое существование в искаленной плоти: без рук и без ног, да еще лишиться пяти чувств из шести. Жалкий выбор. Жалкий, жалкая, жалкое... Самые востребованные слова. Они характеризуют мое отношение к тому, что я оставил: смехотворный театр муляжей, жалкие представления о жизни и смерти, жалкие мысли, жалкий способ чувствовать, робкий способ сопротивляться неизбежному...

Плата? Что ж, я остался должен Гибуру, хоть он и отнял у меня кое-что, не имеющее цены. Но это наши с ним дела. Я знал, на что шел. Грязная сделка. И когда-нибудь настанет час платить по счетам.

Оказавшись по ту сторону упований, я понял, почему мертвецы так редко возвращаются. Мир живых – отвратительных клоунов, брошенных в ловушку пространства-времени, – не заслуживает того, чтобы о нем жалеть. Однако нас возвращают туда снова и снова, заставляя играть роли в таинственной пьесе, которая не имеет ни начала, ни конца. Кто-то раздает маски. Кто-то прячется за кулисами и шепчет из темноты...)

* * *

Я затруднился бы даже точно определить его размеры. Чуть больше кулака взрослого человека, но меньше головы. Это был какой-то сгусток мрака, скрученный в немыслимый узел, миниатюрная туманность с размытыми границами. В нем просматривалась некая периодическая структура, впрочем, слишком сложная и зыбкая, чтобы я мог ее описать. Судя по тому, как незнакомец держал его, предмет весил немного, и еще я заметил, что, соприкасаясь с ним, пальцы частично погружаются в темную субстанцию, которая обволакивает их, становясь похожей на лоскуты содранной кожи.

– Что это? – спросил я, отдавая себе отчет, что вопрос не блещет оригинальностью. Мне оставалось только прикинуться непосвященным.

– Клетка Велиара, – ответил незнакомец после очередной паузы, во время которой он, должно быть, решал, стоит ли называть вещи своими именами. Или выбирал одно из множества имен. У него был странный, неопределимый акцент.

– Велиар... Кажется, имя одного из демонов?

Араб беззвучно улыбнулся. Я видел на своем веку немало улыбок – горьких, обреченных, зловещих – в том числе сыгранных гениальными актерами, но эта стоила того, чтобы запечатлеть ее в посмертной маске. Кроме всего прочего, она говорила: «Я знаю, что это, и ты знаешь, что это, но у нас еще осталось немного времени для дурацких игр».

Я наклонился, чтобы получше рассмотреть «это». И вдруг я почувствовал на себе взгляд. Внутри клетки блеснуло что-то – лишь человек с очень богатым и болезненным воображением, истерзанным вдобавок ночными кошмарами, назвал бы это глазом, однако ощущение чьего-то невозможного присутствия, почти физического давления было неоспоримым. Где-то в кишках зародился страх – первобытный, параллельный всякой логике и доводам рассудка. Из клетки будто дохнуло холодом вскрытого подземелья – но человеческая кожа была слишком ветхой сетью, чтобы удержать этот потусторонний ветер, и только безысходность пойманной птицей забилась в силках сознания...

Я невольно отшатнулся. Испытал некоторое облегчение, убедившись в том, что Мария находится поблизости и наблюдает за происходящим. Спокойная, как всегда. Здоровая психика и непоколебимый реализм. Еще не заражена скепсисом, хотя вокруг бушует настоящая эпидемия нигилизма и отравлены все поголовно. Многие современные пятилетние дети кажутся мне законченными циниками. Это не старческое брюзжание. Я тихо радуюсь тому, что когда-то был молодым. По-настоящему молодым.

– Я хочу ее продать, – сказал араб, по-видимому, прекрасно понимая, что лично я не стану покупать клетку.

– В наше время не так-то просто найти клиента на подобную... вещь, – заметил я.

– Сейчас она стоит гораздо меньше, чем было за нее заплачено... некоторое время назад.

Еще бы! Я знал глупцов, которые надеялись поймать выгоду, но Велиар поймел их. И если существуют вечность, преисподняя и вечность в преисподней, то у этих бедняг будет очень долгий секс. А слова «некоторое время назад» могли означать что угодно: пару часов или пару веков.

– Я могу оставить это у вас... скажем, на три дня, – любезно предложил незнакомец.

У меня в голове тихонько тренькнул тревожный звонок. Знаете, я не из тех, кому никогда не бывает достаточно денег. Поэтому я не иду на сомнительные сделки. Не люблю рисковать – может быть, по той причине, что уже потерял почти все по-настоящему ценное. Порой достаток даже казался мне чем-то вроде весьма утонченного инструмента пытки: я не был всецело поглощен добычей хлеба насущного и потому слишком сосредоточился на своей боли и невосполнимой утрате. В такие дни я бродил по городу и раздавал крупные купюры всем подряд: нищим, уличным музыкантам, клоунам, горьким пропойцам. Потом, конечно, наступало отрезвление. Я думал: «Стоп! Неужели ты хочешь стать одним из них?»

Вероятно, незнакомец понял, что здесь он ничего не добьется. Мне нравятся люди, общаясь с которыми, достаточно молчать.

Он взял клетку, спрятал ее под одеждой и направился к выходу. Напоследок он обернулся, и в его улыбке я снова не увидел ничего хорошего. Она была как оскал зверя, на мгновение выхваченный огнем из беспросветно темной дикой ночи, и будто обещала, что он еще вернется к моему костру. За добычей. Или за падалью...

Он показал на один из малоазиатских ковров – видна была только часть его, к тому же при плохом освещении, – и бросил как бы вскользь:

– Этот чинтамани – хорошая копия. Вторая половина прошлого века и ни в коем случае не раньше.

Если я хоть немного разбираюсь в людях, мотивом этого вмешательства в чужие дела явно была не маленькая месть и не тщеславие. Незнакомец подал мне знак – он намекал на то, что мы с ним принадлежим к одному племени. Племени обреченных скитальцев, бесприютных бродяг и беглецов – даже если не видим того, кто неотступно преследует нас по темным закоулкам бытия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

После визита араба мне оставалось только ждать. Ждать появления охотника, настигающего жертву сквозь пространства и времена. Это как болезнь. Латентный период может иметь продолжительность от нескольких минут до нескольких лет. Иногда он длится всю жизнь...

Но в данном случае речь шла о сутках. Всего лишь сутки. Мне повезло. Я был благодарен за то, что не пришлось ждать долго. Некоторых ожидание сводит с ума. Наказание нетерпеливых еще страшнее.

...В то утро я был трезв как стеклышко, хотя раньше, несколько лет назад, напился бы, невзирая на условности. С некоторых пор алкоголь уже не помогал сделать существование сносным: после непродолжительного возбуждения на меня обрушивалась жутчайшая меланхолия; к тоске добавлялись необъяснимая тревога, страх, я бы даже сказал, мания какого-то потустороннего преследования, когда призраков боишься больше, чем живых.

Утро было вполне обычным. Утро серого октябрьского дня, который обещал быть коротким и кануть в прошлое, не оставив следа в памяти. Тогда я еще не слышал эха и не получал «суеверных» предостережений. Никаких пятниц тринадцатого, черных кошек, кладбищенской земли у порога, дурных предчувствий и прочей подобной чепухи – вообще ничего особенного.

В эту пору года дни иногда казались мне недоразумением между сумерками. Черная пантера ночи всего лишь приоткрывала желтые глаза, чтобы вскоре снова сомкнуть веки. Отражения и тени скользили по грязному перламутру. Холодный ветер и тоска в обнимку шатались по узким улицам центра, словно лихая парочка, и плохо приходилось одиночкам при встрече с ними.

У каждого есть добрый гений; у каждого есть злой гений. Своим добрым гением я считал женщину, с которой прожил пятнадцать счастливых лет и которая родила мне сына. Со злыми гениями все обстоит гораздо сложнее. Рано или поздно начинается отвратительный маскарад – вам ни за что не удастся отменить его или разгадать, с какой целью он затеян. И если жизнь до сих пор кажется вам приятной прогулкой с интересными попутчиками, веселыми пикниками и ясной, хорошо различимой целью на горизонте, значит, у вас все худшее еще впереди.

У меня позади было лучшее. Я стоял на пороге перемен. Счастье никогда не бывает долгим, иначе превращается в довольство. И потому я с тревогой ждал того дня, когда зло наконец выберет подходящую маску.

И оно выбрало, напав на лицо и тело женщины, которую я любил. Лицо и тело женщины, которая умерла восемь лет назад.

* * *

Она приехала на «серебряном призраке». Я всегда подозревал, что вестником необратимого может оказаться кто угодно. И даже *что* угодно. Почтальон, фотография в газете, труп собаки на дороге, крик птицы, закат солнца, поцелуй, сон, песня. Нет недостатка и в механических приспособлениях. Далеко не всегда они предназначены для того, чтобы причинять боль. Порой мгновение счастья становится знаменем неотвратимой грядущей беды.

Вот и в тот раз: как только я увидел в конце улицы отливающий тяжелым блеском силуэт, я понял, что настал конец спокойной жизни. Мне и так была дарована изрядная передышка. Лишь неумолимое время имело значение... Помню, я даже обернулся и с какой-то

обреченностью обвел взглядом барахло, которому суждено было исчезнуть, – и при этом словно прощался с упорядоченностью и иллюзиями, воплощенными в старых вещах: часах, фарфоре, курильницах, маскаронах, подсвечниках, кальянах и прочих осколках минувших эпох. Предметы старины давно перестали радовать меня и восхищать своим совершенством – я лишь острее чувствовал тщету существования. Чем было искусство по большому счету? Только изящной возней...

«Призрак» остановился перед дверью магазина. Я никого не мог разглядеть сквозь тонированные стекла салона. Шофер вышел первым. Это был огромный тип с очень бледным малоподвижным лицом. Почти наверняка – «мешок». Темные очки казались смотровой щелью в яйцевидном куполе. Строгий костюм сидел идеально, как на манекене. Или на покойнике.

Шофер открыл заднюю дверцу.

Эффект был сильным, но не сокрушительным. Кроме всего, я приготовился к худшему. Например, к тому, что рядом с *нею* окажется еще один возвращенный.

Мое сердце билось ровно. Однако что-то содрогнулось глубоко внутри – в той недоступной глубине, куда не способен проникнуть даже инструмент патологоанатома. Конечно, у меня было уязвимое место. Это «место» занимало приличный кусок пространства и называлось физическим телом.

...Она не постарела на восемь лет, как постарела бы та, настоящая. Впрочем, я не берусь отличить маску любого гостя, приглашенного на этот кровавый бал-маскарад, от настоящего лица.

Лидия сделала несколько шагов мне навстречу. Я узнавал ее походку, ее взгляд, ее жесты, ее улыбку... Ну а чего я ожидал? Ведь это не дешевая подделка. Окажись и она «мешком», все было бы гораздо проще.

Что-то, гнездившееся внутри меня, жадно рванулось к ней, словно я был тюремной робой узника, устремившегося к подлинной свободе. Но оковы плоти держали крепко.

Она остановилась совсем близко, и я почувствовал ее запах. Естественный аромат женщины, который волновал сильнее, чем жалкие зелья современных парфюмеров.

– Ты пригласишь меня войти? – спросила Лидия таким тоном, словно напрашивалась на ночь любви, но я знал, что она не нуждается в приглашении. И тем более не нуждается в любви.

Я молча отступил в сторону. Она входила в полутемный магазин, а я видел мурену, которая погружалась в сумрак грота: Лидия была такой же сверкающей в своем шикарном платье, и не менее опасной. Громила шофер следовал за нею, держа в правой руке пузатый саквояж, похожий на докторский и совершенно не вязавшийся с его обликом.

Я бросил быстрый взгляд на улицу. Мария опаздывала. Я был рад этому, потому что не хотел вмешивать ее в наши дела.

Лидия прошла прямо в мой кабинет, не обращая внимания на старинные безделушки. Я предвидел, что разговор будет недолгим. Она по-хозяйски села за стол, обвела взглядом голые стены, затем посмотрела на то, что лежало в реликварии. Протянула руку. Набрала полную ладонь пепла и подбросила его вверх.

Пепел закружился, как серое конфетти на каком-то извращенном празднике смерти...

Я видел ее лицо сквозь летящую пелену. Лицо существа, только что развеявшего свой собственный прах. Беззвездный космос был в ее зрачках – и я внезапно почувствовал себя тупым ребенком, зачем-то хранившим сломанные игрушки.

Лидия расхохоталась:

– Тот, кто побывал в Колыбели, не имеет права вести себя как сентиментальный болван.

Но я не был в Колыбели, дойдя только до первого из Домов Эрихто. Поэтому пожал плечами и ждал, когда же Лидия заговорит о деле. А она тянула, понимая, что для меня невы-

носима эта игра – фальшивая вдвойне, превращающая в абсурд и без того нелепый фарс, заранее проигранная мной именно в силу своей внешней обыденности – серой, безысходной, угнетающей, – не хватало еще, чтобы мне пришлось угощать «гостей» кофе и вести беседу о профанации искусства в этот варварский век.

– Где она? – наконец спросила Лидия.

– Не знаю, – ответил я совершенно искренне. – И не хочу знать.

– Напрасно. Все могло быть гораздо проще.

– Я говорю – пас.

– Поздно. Правила тебе известны.

Да уж, что правда то правда. И потому я предчувствовал, чем все закончится.

– Даю тебе неделю, – сказала Лидия и направилась к выходу.

Это было в ее стиле. Она быстро принимала решения.

Громила следовал за ней, как верный пес. Или как слепой за поводырем – это, наверное, ближе к истине. Глядя на них, я обратил внимание на то, что громоздкой мужской фигуре чего-то недостает. Потом я понял, чего именно. Фигура стала более или менее симметричной. Не хватало саквояжа в правой руке.

Сначала я хотел окликнуть их, но тотчас же спохватился. Они ничего не забывают и ничего не делают случайно.

Перегнувшись через стол, я, конечно, обнаружил стоящий на полу саквояж. Взрывчатка? Смешно. Существовало множество других способов превратить меня в пыль. Да – и меня тоже.

«Серебряный призрак» уже скрылся из виду, когда я поднял саквояж. Судя по весу, он был пустым или почти пустым. Я поставил его на стол. Замки открылись с металлическим лязгом. Я заглянул в черную прямоугольную пасть.

В саквояже лежала отрезанная левая кисть Марии. Я узнал бы ее из тысячи, даже если бы на безымянном пальце не было подаренного мной старинного серебряного кольца. Очень ценного кольца – с точки зрения антиквара. И кто бы ни совершил это зверство, надо отдать ему должное: он не разменивался на мелочи.

Итак, у меня был выбор. Я мог ждать возвращения однорукой женщины. Или найти то, что они хотели. За семь дней. По времени этого мира.

Так вместо пепла в реликварии появилась рука.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я решил обратиться за помощью к слингерам. С ними не сравнится ни одна спецслужба мира. Нет никого лучше, если вам нужно найти конкретного человека. Но за хорошую работу, конечно, приходится платить. Дорого. Так дорого, что добровольных клиентов у них немного и всегда было меньше, чем кажется глупцам, делающим неосторожный шаг. А потом становится поздно. Обратного пути нет.

Слингеры – тайная полиция ада. У них не случается неудач. Поиски всегда заканчиваются одинаково. Даже те, кто вернулся из Колыбели, получают лишь временную неуязвимость – что-то вроде отсрочки приговора.

Способ, которым вызывают слингеров, стар как мир. Жертвоприношение – что же еще. Но им не нужны бесполезные игрушки. И тут не обойдешься курицей, бараном или собакой. Это не имеет никакого отношения к баловству черной магией или групповым забавам вудуистов. Нет никаких символов, никаких жрецов, никакого посвящения. И никакой надежды на выигрыш. Только действие – необратимое и абсолютно безжалостное. И потому надо осознавать, за что берешься.

* * *

Самое неприятное в этом деле – выбрать жертву. Так называемые обыкновенные люди, которые мнят себя «цивилизованными», даже не задумываются о том, насколько часто они приносят жертвы своим ложным богам. Или демонам. А у большинства нет ни тех, ни других. Язычники остаются варварами. У них полно дурацких фетишей вроде красивых жестянок на колесах и золотых часов, которые отмеряют время, оставшееся до смерти. И жертвы приносятся «цивилизованно» – на алтари довольства, сытости, удобства, богатства и власти. Однако эти бедняги и понятия не имеют о подлинной власти, которая всегда правит из тени. Они до последнего момента не ощущают петли на шее. Карабкаясь вверх по трупам своих соплеменников, они все сильнее запутываются в паутине, чтобы тоже стать разменной монетой – но не здесь и не сейчас. Я уже говорил, что расплата неизбежна. В этом мало общего с религиозной догмой о воздаянии. Все гораздо проще. И страшнее.

Мне приходилось совершать жертвоприношение четырежды. Должен заметить, со временем ничего не меняется. И хотя тьма невежества вроде бы рассеивается, найти жертву в двадцать первом веке не сложнее, чем, например, в четырнадцатом. То, от чего прежде шаркались фанатики, боясь погубить свою «бессмертную» душу, современные слепцы хотят исследовать. Они жаждут обрести иные измерения, расширить сознание до границ Вселенной.

Что ж, слингеры помогают им в этом.

* * *

У меня был свой магазин, но не было своего дома. Я снимал номер в отеле. Когда-то давно подобное существование имело тоскливый привкус бездомности, но потом я понял, как оно похоже на жизнь вообще. Ты голым приходишь в этот мир, созданный кем-то до тебя; здесь все чужое, ничто не принадлежит тебе; вещи и предметы, окружающие человека, который мнит себя их владельцем, либо переживут его, либо он переживет их – и то, и другое означает, что на самом деле нет и не может быть никакого «владения». Ты занимаешь люкс в шикарном отеле или койку в ночлежке для бездомных – казалось бы, огромная разница,

но и она постепенно нивелируется, утрачивает значение; в конце концов ты умираешь и освобождаешь место для следующего постояльца.

Я не испытывал особой печали, думая об этом. Бог и обстоятельства всех нас сделали странниками, а многих – бродягами поневоле. И сдается мне, большую часть бродяжьего племени составляют те, кто бежит от самого себя. Их положение безнадежно; порой они выглядят жалкими и смешными, цепляясь за то, чего нельзя удержать. Они закрывают глаза, пугаясь зияющей пустоты, и вслепую продираются по несуществующим лабиринтам.

В моих словах нет ни капли превосходства. Я сам такой же. Я не знаю, зачем я здесь, и не ведаю своего пути. Я одинок, но не думаю, что обрел бы свободу, если бы вдобавок тащил за собой жену и детей. Скорее наоборот. Да, я веду оседлую, скучную жизнь ничем не примечательного человека, но шарик-то вертится и летит вместе с Галактикой во Вселенной – огромный и в то же время такой крохотный отель, населенный призраками и их разорившимися наследниками. Ковчег отверженных, корабль обреченных – называйте как угодно. И когда я оглядываюсь на бесконечную, уходящую в прошлое цепь катастроф, я убеждаюсь только в одном: всякий «Титаник» рано или поздно находит свой айсберг.

Религия. Она способна дать бродяге приют – на время. Кажется, что ты наконец почувствовал твердую землю под ногами, обрел надежду, истину и вечность. Но однажды ты возвращаешься в ту точку, из которой отправился в путь, и видишь, что шел по кругу. Все это время ты находился на острове, и вот перед тобой снова океан: слепой, беспощадный, равнодушный к молитвам. Бесчеловечный... В лучшем случае ты плывешь от острова к острову, исследуя архипелаг Веры, – и если на это хватит жизни, ты посетишь их все, обойдешь вокруг и постигнешь их ограниченность. Тогда, возможно, тебе откроется нечто большее, лежащее за горизонтом всех островов: еще одно измерение, в которое проникает изгой, обреченный странствовать до конца своих дней.

Я не знаю, как называется это «большее». Я только чувствую, что оно есть. Оно напоминает о себе – к сожалению, очень редко. С возрастом все реже. Я становлюсь старым, циничным, тяжелым на подъем. Но я до сих пор еще испытываю неясную тревогу, глубинную тоску, и меня охватывает трепет при соприкосновении с тем, к чему стремится мой неприкаянный дух, посаженный на цепь повседневности.

Что угодно может содержать в себе напоминание: сновидение, весенний ветер, поцелуй женщины, улыбка старухи, крик птицы, боль, музыка, пейзаж, увиденный как бы впервые. Иногда постояльцы отеля получают письма и посылки. Никто не знает откуда. Просто однажды ты возвращаешься с очередной прогулки, и ночной портье вручает тебе конверт без обратного адреса, а в нем – лекарство. Или снотворное. Или яд. Или ничего.

Но пустой конверт – тоже напоминание. Возникает щемящее чувство неоправимой потери. Что-то упущено навсегда. Некий смысл ускользает, будто стремительная тень; всякий раз ты застаешь лишь подозрительное смазанное движение на краю сознания...

Или аромат. Чужой запах в запертом номере твоего одиночества. Кто-то побывал здесь в твое отсутствие. Пока ты спал. Тот, кто в отличие от тебя умеет проходить сквозь стены и годы и мгновенно преодолевать любые расстояния. Чужое тело – тоже не преграда. Возможно, это некая оторванная часть тебя самого, однако таинственного двойника не удастся схватить за руку, чтобы стать с ним лицом к лицу и хорошенько расспросить обо всех тех местах, где он побывал, о прошлом, настоящем и будущем, о судьбе и предопределенности, о смерти и об оставшемся времени.

У меня во рту кисло от того, что ушла молодость, а вместе с ней и надежда. У меня во рту прах. Я пережевываю и глотаю пепел.

* * *

Но жизнь в отеле имеет и свои положительные стороны. Например, не нужно тратить время на уборку и ломать голову над тем, что бы такое приготовить на ужин. Если отель приличный, то прислуга похожа на призраков – ведет себя столь же ненавязчиво, тихо и незаметно. Каждый из этих людей – горничных, портье, коридорных – словно мое второе, порабощенное бытом «я». Они хотят всего лишь денег, поэтому с ними легко иметь дело. И наши отношения неподдельно просты и естественны.

А если отель достаточно старый, как мой, то в нем хватает и настоящих призраков. Все, что безбожно используют плохие и хорошие писатели, которые зачем-то берутся нас пугать, я вижу почти каждую бессонную ночь.

Без крови, конечно, не обойтись. Она повсюду. Жизнь продолжается, пока кровь невидима. Кровь на виду означает чью-то смерть. Сотрите старое кровавое пятно, перекрасьте стену, сдерите испачканные обои и наклейте новые, выбросьте испорченный ковер, перестелите постель – бесполезно. Пролитая кровь все равно напомнит о себе.

Мой номер в этом смысле не является счастливым исключением. На восточной стене гостиной есть место, напоминающее о бедняге, который покончил с собой полвека назад выстрелом в рот. Иногда ванна оказывается до краев наполнена темной вязкой жидкостью. Женский торс, с которым иногда приходится делить кровать в спальне, может принадлежать только проститутке, зверски убитой тут в шестьдесят седьмом году. Голову и конечности так и не нашли... Случается, я обнаруживаю по утрам отпечатки детских ладоней с наружной стороны оконных стекол; они выглядят вполне обыденно – если забыть о том, что номер находится на восьмом этаже и на фасаде нет ни карнизов, ни пожарных лестниц, ни пресловутых горгулий, ни даже водосточных труб. А иногда, сидя в кресле, я ощущаю под правой рукой остывающий след: восемь лет назад на этом самом месте умер одинокий старик. Смерть наступила по «естественной» причине, но незадолго до того как началась агония, его правая рука неуверенно двигалась и дрожащий палец скользил по подлокотнику, выводя надпись: «Шедол на дне». Я до сих пор не знаю, что такое Шедол – имя? звезда? затонувший город? артефакт? некое место? Или меня ввела в заблуждение лишняя буква, но тогда на дне чего находится преисподняя? Впрочем, это и есть самое интригующее. Потому что старик был одним из *возвращенных*.

Большинство предпочитает не замечать подобных вещей, хотя они-то как раз абсолютно безопасны. Зеркала, скажу я вам, тоже забавная штука, да и шепот, доносящийся из-под красивого дубового паркета... Ну, хватит об этом. Я вовсе не живу в окружении багровых кошмаров, как может показаться со стороны. Реальность, чистая реальность и ничего, кроме реальности. И слишком много загадочных смертей.

К чему я все это говорю? К тому, что нет лучшего места для жертвоприношения, чем гостиничный номер или коттедж в мотеле.

* * *

Я начал готовиться к встрече со слингером. Вышел прогуляться, купил в киоске на углу свежий номер рекламного еженедельника и пролистал его, сидя за чашкой кофе в ближайшем баре.

В разделе «Знакомства» я прочел первое попавшееся на глаза объявление: «Аббат-досуг. Две активные подружки-би (20/178/65, 20/170/52) ждут в гости состоятельных господ. Можно выезд. Скучаешь? Позвони».

Ниже были напечатаны номера контактных телефонов.

Что ж, подумал я, две – это даже лучше. Слингера останется мне должен. Значит, так тому и быть.

После этого я позвонил из бара и договорился о «выезде». Голос в трубке, пропевший томное «алле-у», возможно, принадлежал одной из двух девушек, но не факт. Дорогие проститутки обычно работают с охраной, однако как раз это беспокоило меня меньше всего. Хотел бы я посмотреть на идиота, который попытается помешать слингеру получить свое!

Девушки оказались свободны ближайшим вечером, и я сказал, что буду ждать в мотеле «Медовый месяц». Знают ли они это место? О да, они знали. Названная сумма показалась мне слишком высокой – вряд ли за эти деньги подружки вытворяли нечто такое, чего я еще не видел, – но я согласился. Меня трудно удивить и еще труднее обмануть.

* * *

До вечера оставалась еще целая куча времени, и я решил провести его с пользой для тела – ибо душе моей уже ничто не поможет. Была сухая погода; я вернулся в отель, переоделся, спустился на стоянку и поехал на корты, которые давно стали своеобразной ярмаркой тщеславия – достаточно посмотреть на экипировку и поведение проституток обоих полов, озабоченных лишь тем, как бы подороже себя продать.

Я уже давно не имел подобных проблем и потому часто выигрывал у тех, кто был намного моложе меня. Вот и в тот день играли «на вылет», и я отправил отдыхать двух загорелых мускулистых мальчиков, прежде чем появился невзрачный мужчина средних лет с кривыми бледными волосатыми ножками и разделал меня в пух и прах своими мощнейшими подачами.

Мы познакомились, и человек-катапульта предложил как-нибудь сыграть еще. Я согласился, хотя знал, что следующего раза скорее всего не будет.

Словно в насмешку над моей недавней меланхолией, день выдался прекрасный – теплый и солнечный, редкий для конца октября. Хороший день – тот, который не последний. Мы сидели с моим новым приятелем под ласковыми лучами, пили холодный апельсиновый сок и смотрели на стройные ножки девушек, игравших на дальнем корте. Белые юбочки-мини взлетали, как чайки; пронзительно звенели ракетки, день угасал, солнце розовело, поредевшие кроны деревьев наполнялись вечерними тенями, и даже во вздохах ветра мне слышалось сожаление. Я думал о том, какой простой и приятной могла быть короткая человеческая жизнь, если бы не человеческая жадность...

Но с наступлением сумерек резко похолодало. Корт сразу же опустели. Партнер простился и ушел. Моя машина сиротливо торчала на стоянке. Желтые кленовые листья, прилипшие к лобовому стеклу, напоминали отпечатки лап какого-нибудь ящера, промахнувшегося с эпохой.

Я вернулся в отель и принял душ. Долго стоял под тугими, секущими, обжигающими струями, пока не стал снаружи чистым, как совесть святого. После ужина, который пришлось съесть прямо в номере, я оделся потеплее и решил напоследок прокатиться по городу. Это было мое прощание с тонущим кораблем. Вокруг бушевала электрическая жизнь. Город сиял огнями и шумел под тусклыми осенними звездами, однако наделенные тончайшим чутьем крысы уже бежали. И я хотел быть в числе первых.

По пути я вспомнил об одном действительно неотложном деле. Заехал в адвокатскую контору и написал завещание. Оно получилось коротким и поместилось на трети листа. Все свое имущество я завещал Марии – хотя, конечно, это барахло не стоило ее руки. На тот случай, если она мертва, у меня не было распоряжений.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мой выбор был не случаен. Мотель «Медовый месяц» находился на юго-восточной окраине города и, безусловно, не принадлежал к респектабельным заведениям подобного рода. Впрочем, снаружи все было пристойно – и если вы исправно платили за стоянку и коттедж, вам не задавали никаких вопросов. Другое дело, что происходило за стенами этих уютных домиков с верандами, увитыми диким виноградом, и ностальгическими палисадниками под окнами фасадов. Да, хозяин «Медового месяца» не гнался за временем, зная, что такую гонку выиграть невозможно, и потому это местечко даже смахивало слегка на семейный пансион. Обманчивое впечатление, хотя обычные туристы вряд ли успевали что-либо понять.

Между тем здесь часто собирались профессиональные игроки и ставки порой достигали астрономических величин. Проститутки привозили сюда своих клиентов, которым был гарантирован полный набор удовольствий: купить наркотики не составляло труда – если, конечно, знать в какую дверь стучать. Кроме того, в мотеле бывала и более опасная публика – люди, после которых остаются неопознанные трупы и не находится свидетелей. Добавьте сюда несколько сомнительных самоубийств – все равно вам не удастся поколебать печальную статистику современного города.

Но вот кого я ни разу не видел в «Медовом месяце», так это молодоженов.

* * *

Я приехал в мотель минут за тридцать до назначенного срока, чтобы немного осмотреться – на тот маловероятный случай, если сделка по какой-либо причине не состоится. Заплатил наличными и получил ключ от коттеджа, который выбрал сам – в этот сезон едва ли была занята треть мест. По мере того как город разрастался, «Медовый месяц» постепенно сдавал свои позиции. Когда-нибудь, лет через десять-двенадцать, цена участка достигнет критической отметки и мотель снесут, воздвигнув на его месте очередной урбанистический шедевр – может быть, пятизвездочную гостиницу. Мертвые сооружения тоже стоят на съеденных ржавчиной костях своих предшественников.

Давно стемнело. Бар был закрыт; над дверью бильярдной сталкивались и разлетались светящиеся шары. Это повторялось снова и снова и вызывало безотчетное желание покончить с их мучениями – например, разнести вывеску камнем. По шоссе проносились автопризраки. Где-то вдали раздавался тоскливый гудок локомотива, а сверху спускался гул заходящего на посадку лайнера. Это был мир жестянок, угодивших в тотальную давилню. Рано или поздно все попадают под пресс...

Без пяти десять затрещал мобильник, и я назвал номер коттеджа. Приятно иметь дело с пунктуальными людьми. Фирма «Подружки-би» оказалась солидной. Мне оставалось только дожидаться дорогих гостей – дорогих в прямом смысле слова.

Тем временем я осмотрелся в коттедже. Кто-то явно пытался придать обстановке определенное своеобразие. Березовые поленья лежали в декоративном камине, наверное, уже не первый год. Напольные маятниковые часы смотрелись тяжеловато – жуткий механизм, внутри которого похоронены годы и десятилетия. В углу стоял старинный ламповый приемник с зеленым «глазом» – еще одно отличное средство, помогающее хотя бы ненадолго отвлечься от суеты. Я включил его, и спустя несколько секунд в комнате зазвучал Чайковский. Красота этой музыки была даже слишком печальной. Кроме того, мне показались странными картины, висевшие на противоположных стенах: на одной был изображен сле-

пек в черных очках, несущий дохлую рыбу, причем за его спиной была видна гавань; на другой четверо мужчин в средневековых одеждах играли в домино – при этом все четверо были альбиносами с розовыми глазами.

Мне не пришлось долго ломать голову над несуществующей загадкой – скорее всего, картины попали сюда с какой-нибудь дешевой аукционной распродажи. Напоследок я заглянул в спальню. Черные простыни как нельзя лучше подходили к случаю, хотя при других обстоятельствах подобный штришок показался бы несколько нарочитым. Против изножья кровати тоже висела картина – ничем не примечательная пастораль.

Кто-то вежливо постучал в дверь. Я открыл. На пороге стояли две девушки, выглядывавшие при вечернем освещении весьма привлекательно. Я посмотрел поверх их головок, очерченных серебристым ореолом. На стоянке появился «Форд-эксплорер», и я мог бы поклясться, что в нем находится парочка «пастухов», не нашедших лучшего применения излишкам здоровья. Впрочем, как знать, кто из нас был ближе к цели на извилистой дороге, ведущей в рай... и обратно.

Я отодвинулся в сторону, впуская девушек, и закрыл дверь. Они чувствовали себя совершенно свободно. У обеих были отличные фигуры.

– Я Дельфина, – сказала одна. Та, что была 20/178/65.

– Я Ипполита, – сказала другая.

Вот так. Просто и без затей.

– В таком случае я Шарль, – сказал я.

Мы прекрасно поняли друг друга и вместе рассмеялись, а старик Бодлер, думаю, на меня не обиделся. Дельфина подмигнула мне. Что ж, при прочих равных условиях я предпочитаю шлюх с университетским образованием.

Ипполита сбросила туфли и босиком прогулялась по ковру. Я всегда обращаю внимание на форму пальцев и ногтей – они не должны быть испорчены тесной обувью. Это почти безошибочный показатель уровня. У Ипполиты все было в порядке.

– У тебя найдется «снежок»? – спросила та, что назвалась Дельфиной.

– У меня есть кое-что получше, – сказал я.

И достал... Назовем это для удобства Ключом. Тот, кто владеет чем-то подобным, меньше всего озабочен выбором имен или названий. Я не случайно говорю об имени. В некотором смысле Ключ является живым существом и находится в симбиозе с владельцем. Он заключает в себе нечто большее, чем способность отпирать двери между мирами. Свой я получил в первом Доме Эрихто, и воспользоваться им не мог никто, кроме меня. Таким образом, украденный или найденный Ключ совершенно бесполезен. И еще одно: в тот момент, когда перестанет биться мое сердце, Ключ тоже прекратит свое существование.

Ну вот, теперь вы знаете даже больше, чем мои жертвы. Это может вам дорого обойтись. Но вы по крайней мере предупреждены.

Дельфина и Ипполита ждали. Поверьте, мне было жаль разочаровывать девушек, хотя в общем-то я их не обманывал. Ни один наркотик не забрасывает так далеко и так быстро, как Ключ. Вот только для них это странствие плохо закончится...

Внезапно из приоткрытой двери на веранду потянуло морской свежестью. Мерный рокот прибора вкрадчиво вполз в уши, будто был не сочетанием звуков, а ядовитой змейкой. Еще раньше прекратилась музыка; теперь из приемника доносился только шум атмосферных помех. Правда, в какой-то момент мне показалось, что сквозь треск электрических разрядов доносится низкий монотонный голос, бубнящий на незнакомом языке (больше всего это напоминало молитву), но я счел это игрой воображения. Откуда взяться человеческим голосам в эфире этих безлюдных миров? Здесь можно услышать разве что послания с других звезд или радио, вещающее из ада...

Я увидел, как у шлюх округлились глаза. Еще не от страха. Всего лишь от удивления. Но представление только начиналось. Голубоватый свет неоновой вывески, прежде пробиравшийся сквозь щели жалюзи, сменился ядовито-желтым лунным сиянием. Ареалом слингера было побережье – возможно, даже побережье Атлантиды. Я узнавал густые ароматы, от которых воздух становится вязким, как бальзам. Такого запаха уже нет нигде на Земле. Он будоражит кровь оттенками дикости и первозданности. Иногда мне кажется, что это запах самой вечности.

Девушки начали понимать, что попали отнюдь не на шоу этого балаганного фокусника Коткина-Копперфильда. Поскольку они не успели раздеться, то и одеваться им не понадобилось. В любом случае голый человек чувствует себя гораздо более уязвимым и беззащитным, чем одетый. Одежда – это современные доспехи. Причем в большей степени это касается женщин. Вы замечали, какими невзрачными становятся они без дорогих тряпок и макияжа? И куда только девается их самоуверенность, а чаще всего и поддельная красота...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.